

7-83

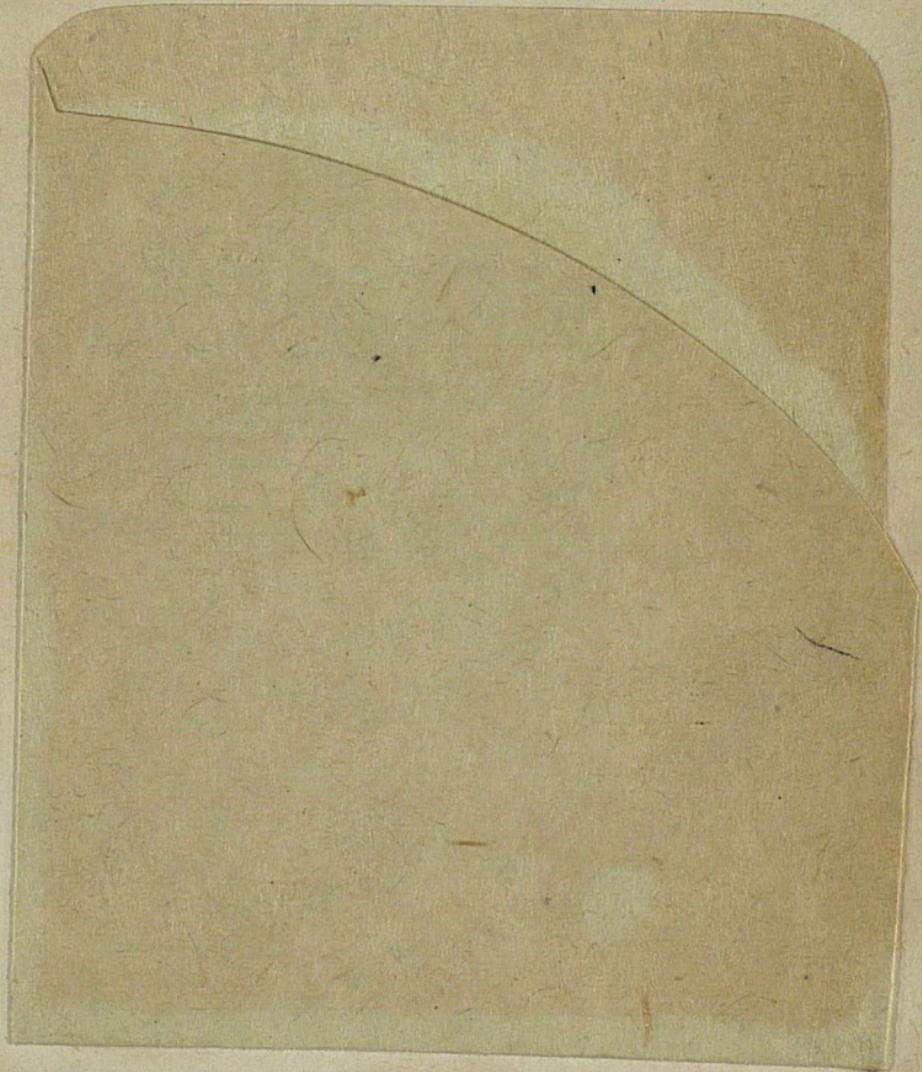
СВАНЕС ТУМАНЯН

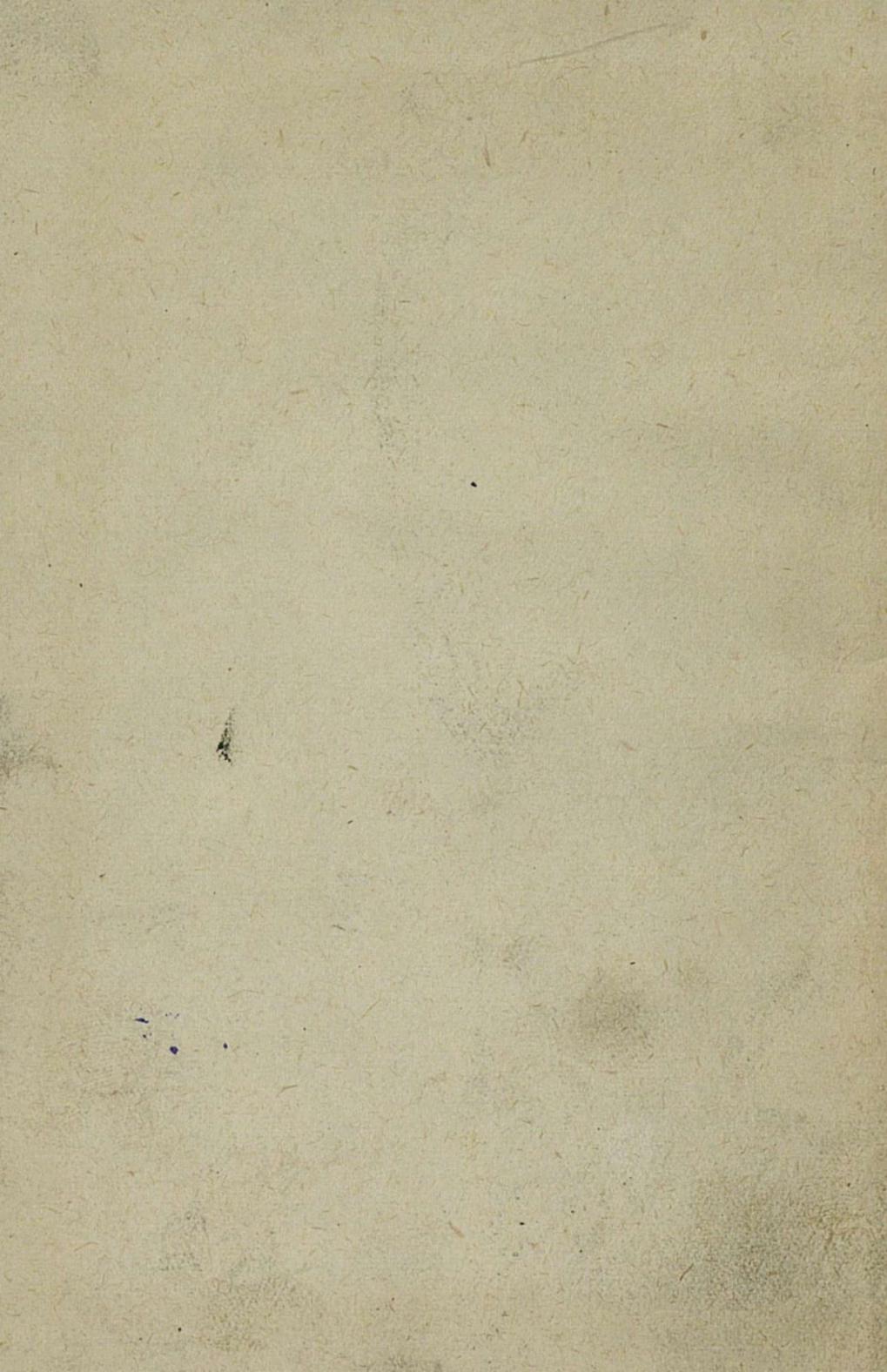

ДАВИД
САСУНСКИЙ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВАКСМ

33

42 33
ОВАНЕС ТУМАНЯН

ДАВИД
САСУНСКИЙ

Перевод с армянского
С. Шервинского

Рисунки
В. Бехтеева

44

ЦК ВЛКСМ

Издательство детской литературы
Москва 1939 Ленинград

59

БАНДАР

БАНДАР

695500 крк

Российская государственная
детская библиотека

1

Лев-Мгер богатырь был родом таков;
Сасуном владел он сорок годов.
Столь грозно владел, что птице чужой
Не взлететь при нем над его страной.
От сасунских гор в далекий предел
О славе его слух страшный гремел,
Что велик ишхан¹, всем смелым пример.
На тысячи уст был один Лев-Мгер.

2

Так, грозный, как лев, соседям на страх,
Он князем сидел в сасунских горах
Целых сброк лет — и за сорок лет
Не вздохнул с тоской ничему в ответ.

¹ Ишхан — князь.

И только теперь, как старость пришла,
В бесстрашную грудь его боль вползла.
Стал думать старик; все думы одни:
«Настали мои осенние дни.
В плен к черной земле сойти мне перед,
А слава моя, словно дым, пройдет,
Страх минет, и слух замрет обо мне
В пустынной моей и сирой стране.
Встанут каджей тьмы, встанут дэвов¹ тьмы...
Кого ж назовем наследником мы,
Кто одел бы меч, защитил Сасун?...»
Так думал в тоске бездетный горюн.

3

Раз сидел храбрец, погружен в тоску.
И виденье вдруг сошло к старику:
С небес огневой спорхнул херувим,
С облаков сошел и предстал пред ним.
«Привет, исполин, сасунский старик!
Престола небес твой голос достиг.
Бог дал — у тебя народится сын,
Но только одно знай, гор властелин:
В тот же день судьба свершиться должна —
Умрете и ты и твоя жена». —

¹ Каджи и дэвы — злые духи, великаны.

«Будь воля его! — Мгер молвил тотчас. —
Как для смерти мы, так и смерть для нас.
Но наследник есть, и им человек
Останется сам бессмертен навек».
Благовестник вновь в пыланьи огня
Отлетел в лазурь, и с этого дня
Через девять лун и девять часов
Сын Мгеру был дан — в исполненье слов.
И львенку дает он имя Давид,
И брата призвать Огана спешит.
Он сына и край ему поручил
И вместе с женой навек опочил.

4

А в Мсыре в тот век, могуч и велик,
Престол занимал царь Мысрамелик.
Услыхав, что Мгер ныне взят землей,
На горный Сасун он пошел войной.
Стал Оган-Горлан от страха чуть жив,
Он встречал врага, главу обнажив,
Стал молить его, припадал к ногам:
«Ты будь, — говорил, — владыкою нам.
Под сенью твоей пока будем жить,
Будем дань платить и верой служить, —

Лишь ты пощади, не громи наш край,
Лишь ласково ты на Сасун взирай». —

«Нет, — молвил Мелик, — пусть весь ваш народ
Под мечом моим, как один, пройдет.

Чтоб я ни твори, чтоб с вами ни будь, —
Сасунец не смей мечом шевельнуть!»

И пошел Оган, Сасун обошел,
Весь народ толпой под мечом провел.

Лишь один Давид никак, ни почем
Не хочет пройти под вражьим мечом.

Насильно тащить Давида пришлось, —
Он людей разнес, раскидал всех врозь.

Он мизинцем вдруг коснулся кремня —
Из кремня взвились вдруг искры огня.

«Я дурня убью, разделаюсь с ним!»
Говорит Мелик вельможам своим.

«Всемогущ ты, царь, — те в ответ ему, —
Покорен Сасун мечу твоему, —

Угроза тебе ль в ребенке таком,
Хоть он превратись в огонь целиком?» —

«Будь так! — говорит Мелик. — Но когда
Лихая на нас нагрянет беда,

Клянусь этим днем,

Будет зло всё в нем!»

Был велик Давид, да малы года.
 Лет семи-восьми был Давид тогда.
 Хоть мал был Давид, — силен до того,
 Что всяк человек — комар для него.
 Да несладкий рок сироте сужден,
 Хотя бы и львом он был порожден.
 Презлая была Огана жена,
 Молчала сперва; наконец она,
 В спор с мужем вступив, речь этак ведет:
 «Я одна, — твердит, — забот полон рот,
 А ты сироту взял — не было бед! —
 На шею мне сел пустой дармоед!
 Пропасть бы ему!.. Ведь я не раба, —
 Для ваших затей не жалеть горба!
 Убери его, в работу устрой,
 Пускай поживет своей головой».
 Начала тут слез ручьи проливать,
 Оплакивать дни, судьбу проклинать,
 Что несчастна, мол, и одна к тому ж,
 Заступника нет, не щадит и муж...
 Тут к парню Оган пошел-зашагал,
 Он лапти ему железные дал,
 Дал посох ему железный потом, —
 И в Сасуне стал Давид овчаром.

Погнал пастушок-великан свой скот
В несравненный край сасунских высот.

«Эй, горы, джан!

Родные, джан!»

Как залился он, окрикать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Наутек зверье пустилось из нор,—
Разбежались врозвь, разбрелись средь гор.
По следу искать их начал Давид.
Он в горы бежит, он в долы бежит.

Лис, зайцев, волков, козуль наловил,
В отару одну с ягнятами сбил.
Вечерком погнал их в Сасун, домой,—
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Увидал тогда весь сасунский люд,
Что звери толпой на город идут,—

«Себя спасай!

Дела бросай!»

•Тут, рад не рад,

И стар и млад

Утекать — кто в дом, кто в лавку иль в храм;
Дверь наглухо всяк запирает сам,

Явился Давид, на майдан¹ идет:

И рано же спать ложится народ!

«Ягнят встречай! Козлят встречай!

Эй, кто хозяин? Отворяй!

За одного — все десять на,

За десять — двадцать на сполна!

Скорей вставай, сюда иди,

Ягнят-козлят в хлева веди!»

Глядит — не идут; что ни дом — примкнут.

Разлегся и сам на майдане тут,

Уснул головой на камне, — устал;

До самой зари сладким сном проспал.

Наутро чем свет поднялись князья,

К Огану пришли, все — одна семья:

«Эй, Оган-Горлан, возьми тебя прах!

К чему дурачка держать в пастухах?

Ягненок иль волк — ему невдомек.

Весь Сасун зверьем набил пастушок.

Бога ради, дай другой ему труд,

Не то люди все со страху помрут».

Встал Оган-Горлан, пошел на майдан.

«Подале держись, эй, дядя Оган!

Разгонишь козлят! Осторожно! Стой!»

Из отары вдруг тут заяц косой,

¹ Майдан — площадь.

Оба уха врозвь, с перепугу — прыг!..
За серым Давид бежит напрямик.
По горам бежал, по долам бежал,
Вернул и опять к другим примешал.
«Ой, дядя Оган! Я и сам не рад:
Бог благословил тех черных козлят,
А серые — те, которые тут, —
Удирают прочь и в горы бегут.
Как мучился я, как бегал вчера! —
Насилу-то их довел до двора...»
Посмотрел Оган — беда с пареньком:
Вновь обувки нет приличной на нем,
И посох свой весь по ладонь истер,
Столько за день он произбегал гор.
«Помогу тебе, — говорит Оган, —
От серых козлят ты извелся, джан.
Назавтра гони ты рогатый скот».
Так молвил Оган. Наутро идет,
Железные вновь он лапти дарит,
Чтоб вновь хорошо был обут Давид.
И посох дарит в сто лидров потом,
И в Сасуне стал Давид пастухом.

И погнал пастух-великан свой скот
В несравненный край сасунских высот.

«Эй, горы, джан!

Родные, джан!

Как сладок склон

Нагорных стран!»

Как залился он, окрикать пошел,

Оглушил раскат и гору и дол.

Наутек зверье пустилось из нор,—

Разбежались врозвь, разбрелись средь гор.

По следу искать их начал Давид.

Он в горы бежит, он в долы бежит.

Волков, медведей, львов, тигров словил,

Их в стадо одно с коровами сбил.

Ввечеру погнал их в Сасун, домой,—

Тут и шум и крик, тут и визг и вой.

Перетрусила вновь весь сасунский люд:

Вновь толпы зверья на город плывут!

«Себя спасай!

Дела бросай!»

Тут, рад не рад,

И стар и млад

Утекать — кто в дом, кто в лавку иль в храм;

Дверь наглухо всяк запирает сам.

Явился Давид, на майдан идет:
И рано же спать ложится народ!

«Коров встречай! Волов встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного — все десять на,
За десять — двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Коров-олов в хлева веди!»

Глядит — не идут; что ни дом — примкнут.
Разлегся и сам на майдане тут,
Уснул головой на камне, — устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все — одна семья:
«За тебя собой пожертвуем, брат!
Хоть вовсе не будь пастуха для стад,
А ежель уж быть, так быть не ему.
Что медведь, что вол — ему ни к чему.
Он на город наш беду наведет:
Ведь его зверье всё впрах разнесет!»

Наказанье с ним! Не Давид — беда!
В отчаянье впал сам Оган тогда.
Он стрелы ему и лук смастерили,

W.C.

Чтоб в горы Давид стрелять уходил.
Так лук и колчан Давид приобрел,
Далеко в тот день за город забрел,—
Охотником стал. В просяных полях
Воробьев стрелял, перепелок-птах,
К знакомой отца ходил вечерком,
К старухе одной одинокой в дом.
Велик, долговяз, лежал, как вишап¹;
У огня в углу раздавался храп.
Однажды пришел с охоты Давид,
Старуха всердцах ему говорит:
«Ох, чтобы тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каким был отец?
Старуха ведь я, без рук и без ног,
Лишь поле да я, а над нами бог!
Что ж топчешь его, что губишь спроста?
Я была б с него целый год сыта!
Коль охотник ты, свой лук забирай.
Сехансар, Цмцка и меж них весь край
Держала рука отца твоего;
Была для охот гора у него,—
И козуля там, и олень, и лань.
Коли сможешь, там охотником стань!» —
«Что ж, бабка, клянешь ты меня? Я мал,

¹ Вишап — дракон.

Впервые про то от тебя узнал.
Где наша гора? Как найти ее?» —
«Твой дядя Оган тебе скажет все».

9

Вот к Огану в дом, чуть забрезжил свет,
Явился Давид получить ответ:
«Что ж, дядя, молчал? Сказать бы пора,
Отцовская где для охот гора?
Козуля там есть, и олень, и лань!
Сведи же меня на ту гору. Встань!» —
«Ох! Лучше бы ты про это не знал!
Лишись языка, кто тебе сказал!
Да, нашей гора была до поры.
Но дичь той горы ушла с той горы,
И козулям всем и ланям конец.
Покуда был жив твой светлый отец
(Счастливые дни — возвратишь ли вас?),
На горе той дичь едал я не раз...
Он умер, и бог отвратил свой лик:
Тут войско собрал царь Мысрамелик,
Разгромил наш край, сады и дворы,
Расхитил, угнал дичь с нашей горы,
И ни лани нет, ни оленя там.
Так, видно, на лбу написано нам.

Всё ушло, сынок... Ступай-ка домой:
Мелик услыхать может голос твой». —
«Что сделает мне Мелик? Ничего!
Позволенья, что ль, просить у него?
Коль он мсырский царь, так Мсыр свой и знай.
Чего ему лезть в наш нагорный край?
Встань, дядя, бери свой лук и пойдем
На ловчей горе пострелять вдвоем!»
Огану пришлось тут встать и пойти.
Пришли, а горы искать — не найти:
Ограду снесли и порублен лес;
Даже самый холм бесследно исчез.

10

Там на ночь они остались сам-друг.
Взял Оган-Горлан свой колчан и лук,
Под голову их положил, храпит.
В море дум меж тем погружен Давид.
Вдруг видит — огонь сияет вдали,
Словно мощный свет на горе зажгли...

И на те лучи

Он пошел в ночи.

Шел, шел по горе, взобраться спешит,
Взошел — увидал: там камень лежит,

Лежит, рассечён,
Внутри просвечен,
Из глыбы огонь, словно хлопья, бьет,—
Взвозьется и вновь на мрамор падет.
Спустился Давид с той горы опять;
Спустился и стал он Огана звать:
«Встань, дядя! Чего ты все спиши? Иди!
Встань, дядя, скорей, на свет погляди!
Яркий свет упал на ту высоту,
На ту высоту, на глыбину ту.
Встань, сон отряхни, поди посмотри,
Что ж это за свет там горит внутри?»
Встал Оган-Горлан, сотворил он крест:
«Умереть бы мне за свет этих мест!
То наша гора, то свет-Марута!
Монастырь здесь был, где глыбина та,—
Сасуна покров, Сасуна оплот,—
Заступницу в нем почитал народ.
Обычно, когда собирался в бой,
Молитву творил там родитель твой.
Он умер, и бог отвратил свой лик,
И войско собрал царь Мысрамелик.
Пришел, монастырь он разрушил, смел,—
Но доныне свет нам струит престол».

И когда Давид обо всем узнал,
 «Дядя, дядя мой дорогой, — сказал. —
 Вот я сирота на свете на всём,
 Без отца живу, — так будь мне отцом.
 С горы Марутá теперь не сойду:
 Я наш монастырь опять возведу.
 Прошу у тебя мастеров пятьсот,
 Пять тысяч людей для тяжких работ,
 Чтоб в недельный срок на работу стать, —
 Как он прежде был, монастырь создать».
 Тут пошел Оган и привел народ,
 Пять тысяч привел, мастеров пятьсот.
 Работники все, мастера пришли,
 Стук-стук да тук-тук — всё вновь возвели.
 Вот на прежний лад — краса, широта, —
 Обитель стоит горы Марутá.
 И братия вновь сошлась в монастырь,
 И вновь по церквам зазвучал псалтырь.
 Когда ожила вновь обитель та,
 Спустился Давид с горы Марутá.

К Мелику во Мсыр слух о том достиг:
 «Спешим доложить, что Давид воздвиг

695500

Российская государственная
детская библиотека

Монастырь отца, что ишханом стал,
А подати ты семь лет не взимал».

Осерчал Мелик:

«Отправляйтесь вмиг,
Бади с Козбади,
Сюдя с Чархади!

Все камни поднять в сасунской стране,
За семь лет всю дань истребовать мне!
Мне сорок девиц-красавиц добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
При доме моем служанками быть».

И Козбади возглавил рать.

«Всё, что велиишь, готов собрать!
Сасун разрушу и займу,
Жен сорок сороков возьму
Да в сорока тюках казну.
Армянскую сотру страну!»
Сказал, а хоры жен и дев,
Кружась, выводят нараспев:
«В Сасун наш Козбади идет,
Жен сорок сороков возьмет
Да сорок золота тюков —
Низать уборы для голов.
Коров пригонит дойных джан,

Нам будет масло и чортан!
Джан Козбади, джан Козбади!
Давид перед тобой пади!»
А Козбади — тот спесью сыт.
«Спасибо, сестры! — им кричит. —
Постойте, возвращусь сюда —
Еще попляшете тогда!»

13

Вот рать в поход
Идет, поет...
И Козбади в Сасун проник.
Оганов отнялся язык,
Хлеб-соль поднес,
Вопит сквозь слез...
Дрожит Оган,
Твердит: «Аман! ¹
Хоть всё бери! Веди в полон
Цветущих дев, сасунских жен,
Бери казну, — и кровь и пот, —
Но бедный пощади народ!
Не истребляй, смири грозу!
Бог — наверху, а ты — внизу».

¹ А м а н — горе, беда.

И вереницей вывел он
Цветущих дев, сасунских жен.
Закончил Козбади отбор,
В сарай загнал их, под запор.
Сорок дев сумел невинных добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю служанками быть.
Увез казны немало груд...
Объяла скорбь армянский люд.

14

«Эй, где ты, Давид, защитник армян?
Хоть из камня выдь — явись на майдан!..»
Как встала из глыб вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марутá.
Заржавевший он полольник нашел,
Пошел, в огород старухин запел.
Старуха — к нему и кричит-клянет:
«Не репу тебе, Давид-сумасброд, —
Огонь тебе есть, чуму тебе есть!
На свете ужель одна я и есть?
Всё просо мое ты сровнял с землей,
Той репой одной буду жить зимой...
Ты и репу рвать?
Где ж еды мне брать?»

Ты бери свой лук, коли ты храбрец,
Овладей страной, где правил отец,
Ты добудь добро отца своего,
Без владельца ты оставил его.

Царь Мсыра за ним уж прислал — смекни!»
«За что ж на меня ты кричишь, нани?
Не пойму, что ты говоришь сейчас.
Что мсырский халиф увозит от нас?» —
«Что мсырский халиф увозит от нас?!
Да мсырский халиф лишит тебя глаз!
Где ум твой, Давид? Уж послал он рать,
Чтоб город Сасун громить, обирать.

Бади с Козбади,

Сюди с Чархади

Ограбить пришли наш Сасун родной,
Сорок взять тюков казны золотой,
Сорок юных дев-красавиц добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю служанками быть». —
«Чего же меня ты клянешь, нани?
Покажи, чего там хотят они?» —
«Чего? Чтоб тебя унес мой конец!
Таков ли ты сын, каков был отец?
За репой пришел, набиваешь рот, —
Козбади ж ведет вашим деньгам счет.

Он девиц набрал, весь сарай набил».
Тут ушел Давид, о репе забыл.
Глядит: Козбади у дяди в дому,
Сам мерит казну, не дает никому.
Сюди с Чархади — те держат мешки.
Поодаль Оган, понур от тоски,
Стал, руки скрестив, нахмурена бровь.
Давиду в глаза тут хлынула кровь.
«Ты встань, Козбади, да стань к стороне!
Отцову казну надо мерить — мне!»
Козбади сказал: «Оган, перестань!
Даешь — так давай за семь лет мне дань.
А не то уйду, клянусь бородой,
Мелику скажу — нагрянет войной.
Он весь ваш Сасун вконец разнесет,
Пропахать велит, чтоб был огород». —
«Вон, мсырские псы! Не известно вам
Что к сасунским вы зашли удалцам?
Иль мертвыми нас тенями сочли,
Чтоб требовать дань с сасунской земли?»
Осерчал Давид, он меру схватил,
Он мерою лоб Козбади разбил.
И стену пробил осколком Давид,
И осколок тот доныне летит.

Побросав мешки золотой казны,
Бежали из гор армянской страны
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади.

15

«Ой, дядюшка, ой! Что-то ум неймет!
Ведь денег у нас тут целый умет,—
Ты ж сделал меня в Сасуне слугой,
Поставил меня у двери чужой».
Отвечал Оган: «Эх ты, сумасброд!
Я Мелику пас золотой доход,
Чтоб сладко глядеть изволил на нас.
Ты не дал... Теперь наклынет как раз,
Он камни — и те снесет, как поток...
А сразиться с ним кто бы выйти мог?» —
«Ты, дядя, постой, сам выйду я в бой,
Отвечу ему, — ты, дядя, постой...»
Дверь в темный сарай он с размаху пнул,
Всем девушкам он свободу вернул.
«На волю! И пусть молва говорит:
Мы счастья тебе желаем, Давид!»

16

Избитые, в крови, отсель
До мсырских добрались земель

Бади с Козбади,

Сюди с Чархади,

Их видят женщины вдали,

В веселье женщины пришли,

На крыши став, в ладоши бьют:

«Идут, идут! Ведут, ведут!

Наш Козбади ходил в поход,

Жен сорок сороков ведет,

Коров ведет нам дойных джан,

Нам будет масло и чортан!..»

Подъехали — иной уж толк,

Вдруг голос радости примолк,

И ну кричать,

Ну величать:

«Эй, Козбади! А хвастал тож!

Что так едва идешь-бредешь?

Идешь-бредешь издалека?

Твоя рассечена башка!

А сам сулил: в Сасун пойду,

Жен сорок сороков сведу,

Да сорок нош казны сберу,

Страну армян я впрах сотру!

Ушел в Сасун, как лютый волк,

Пришел, как пес, — зубами щелк!»

На Козбади нахлынул гнев.

«Молчать! — вскричал, рассвирепев. —

Видали вы мужей, отцов,
А не сасунских удальцов!
В горах то племя, с гор оно,
Их стрелы — каждое с бревно.
Край каменист — не подступись,
Ущелья — вглубь, а горы — ввысь
Как сабли, травы по хребтам,
Бойцов три сотни пало там».
Сказав, решился наконец
Итти к Мелику во дворец.
Перед царем своим предстал, —
На троне царь захохотал:
«Ну, молодец же Козбади!
Повешу я, того гляди,
Тебе орла большого знак
За то, что уничтожен враг.
Ну, где же всё? А ну, взгляну
На дев сасунских и казну!»
Сказал Мелик, а Козбади —
Возьми да в ноги упади.
«Будь, государь, твой вечен дом!
Насилу спасся я верхом.
Казну возьмешь ли у армян?
Родился у армян буян.
Уж я ль не знатный человек,
А он мне голову рассек:

«Отцов-де клад — не дам его,
Ни жен народа моего!
В Сасуне места нету вам,
Пускай ваш царь приедет сам,
Тогда сразимся мы вдвоем:
Пусть, ежель смел, берет силком!»
Рассвирепел Мысрамелик.
«Собрать войска! — раздался крик. —
Тысячу тысяч — зеленых юнцов,
Тысячу тысяч — без бород-усов,
Тысячу тысяч — с пушком на губах,
Тысячу тысяч — поднявшихся с тахт,
Тысячу тысяч — с углем-бородой,
Тысячу тысяч — с седой головой!
Тысячу тысяч — в трубы трубить,
Тысячу тысяч — в барабаны бить.
Пусть явятся все, при мече, в броне, —
Погляжу, каков Давид на войне.
Сасун разгромлю,
Как поток, залью!»

Несметную рать ввел в землю армян,
На поле разбил под Сасуном стан
И гордо воссел царь Мысрамелик.

К Батману-реке тут каждый приник.
Припадали пить, — толпа велика, —
Кто придет, тот пьет, — иссякла река.
Без воды страна оказалась вся.
Князь Оган-Горлан тут диву дался.
Влез в шубу Оган, добрел до горы,
Взобрался, глядит — под горой шатры!
От шатров бёла равнина сама,
Словно разом в ночь подошла зима,
Словно белый снег весь Сасун застиг.
Пожелтел Оган, отнялся язык.
Побежал домой, завопил: «Харай! ¹
Он нагрянул к нам... Харай! Убегай!» —
«Кто нагрянул к нам? Кто пришел опять?» —
«Мор, огонь пришел — Давида отнять!
Царь Мсыра пришел Сасун воевать.
Там в поле у нас построил он рать.
Есть и звездам счет, — нет счету войскам!
Вай ² нашей стране, и солнцу, и нам!
Понесем казну, поведем девиц,
Пойдем перед ним простереться ниц, —
Умолить хочу
Не предать мечу». —

¹ Х а р а й — караул.

² В а й — увы.

«Ты, дядя, постой, ни к чему тоска,
Ты поди домой да поспи пока.
Я встану, пойду я на поле сам,
За всех нас ответ Мелику я дам».
Отправился вновь к старухе Давид.
«Нани моя, джан, — он ей говорит, —
Железо-старье, кочергу, пруты,
Что есть у тебя, собери мне ты,
Раздобудь осла, чтобы мог я сесть. —
С Меликом хочу я сраженье весть».
«Ох, чтобы тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каков был отец?

Где конь отцовский голубой?
Где меч отцовский отневой?
Отцовский пояс золотой
И ратный крест с его десной?¹
Его наборное седло,
Бешмет и булава его?
А просишь, дурень, чтоб дала
Тебе я прутья да осла!» —
«Зачем же, бабушка, серчать?
Я молод, мне откуда знать?
Я не слыхал о том словца.
А где лежит доспех отца?» —

¹ Десна — правая рука, десница.

«У дяди своего спроси.
Скажи: достань, давай, неси!
А не захочет дать добром —
Глаза коли, бери силком».

18

Пришел к Огану наш Давид.
«Мой дядя добрый, — говорит, —
Дай мне отцовского коня,
Дай меч, который из огня,
Отцовский пояс золотой
Да ратный крест с его десной!
Его наборное седло,
Бешмет и булаву его!» —
«Как умер Мгер, с того я дня
Не выводил его коня,
Не брал я молнии-мечса,
Оружья, лат с его плеча...
Не растревляй, не говори!
Всё тут, — коль хочешь, сам бери!»

19

Доспех отца надел Давид
И пояс с молнией-мечом,
На мощной длани крест висит.

Вот на коня он сел верхом,

Прикрикнул — и коня пустил...

Оган-Горлан запел-заявил:

«Жаль, трижды жаль, пропал наш конь голубой,

Ах, наш конь голубой!

Жаль, трижды жаль, он пояс взял золотой,

Ах, пояс взял золотой!

Жаль — на себе он Мгера бешмет увез,

Ах, Мгера бешмет увез!»

Стал Давид серчать,

Повернулся вспять, —

Тот оторопел,

Иное запел:

«Жаль, новый наш лев, мой Давид погиб!

Ах, мой Давид погиб!»

Услыхал Давид,

Он сойти спешит.

Огану к руке подошел сперва.

Оган, как отец и семьи глава,

Дал совет ему и перекрестил

И в поле его на бой отпустил.

У Давида-льва был дядя один,

Гроза-великан, — он звался Торос.

Про сасунский бой узнал исполин,
Он тополь взвалил на плечо, понес.
Уж издали им он кричит с холмов:
«Иль больше у вас одной головы?
Что за люди вы? Или кто таков
Сасунец Давид, не знаете вы?
Неизвестно вам: крылат его конь!
Как явится с ним, его пустит в пляс!
Убирайтесь прочь, — Сасуна не тронь! —
Я пришел майдан очищать от вас!»
Как тополем он саданул шатры,
Их двадцать зараз сокрушил сплеча,
А Давид стоит наверху горы,
На поле глядит, как вишап, крича:
«Кто спит еще — тот сон сгоняй,
А кто согнал — спеши, вставай!
Кто встал — оружье надевай,
А кто надел — коней седлай!
Кто оседлал — скакать пускай!
Потом не врать: легли, мол, спать,
Давид явился, мол, как тать».

Он прокричал и поскакал, —
Огонь разящий, свет и гром.
Он в середину войска пал,
Сияя молнией-мечом.

До полдня он рубил, топтал,
И к полдню — крови был поток.
Он бурно мчал, горяч и ал,
И трупы тысячами влек.

Был старец у врагов в ряду,
Он много повидал, живя.
«Ребята; — молвил, — я пойду,
Поговорю с Давидом я».

Представ перед сасунским львом,
Разумно молвил старец тот:
«Век сила будь в мече твоем!
Твоя рука — тебе оплот!

Послушать старика — не труд,
И своему поверь уму:
Чем провинился этот люд?
Его ты губишь почему?

Они — все дети матерям,
Они — светильники в дому.
Иной супругу бросил там —
Вдаль тяжело глядеть ему,

Иной — младенцев полон дом,
И стариков, и всю семью,

А кто — с завешенным лицом
Жену недавнюю свою.

То царь их пособрал везде,
Согнал бичом, грозил мечом...
Мы — бедняки, весь век в нужде,
Перед тобой мы грешны в чем?

Твой враг — халиф, виновник сеч.
Коль боя жаждешь, с ним сразись.
Зачем же ты возносишь меч
На тех, что горем упились?» —

«Ты молвил хорошо, старик, —
Сказал Давид, — но знать хочу,
Укрылся где тот царь Мелик,
Как день его я помрачу?» —

«А вон, под тем шатром большим,
Где дым валит, он крепко спит.
А дым тот вовсе и не дым —
Из уст его то пар валит».

Едва замолкли те слова,
Погнал Давид, к шатру летит,

А у шатра — араба два,
И звонко крикнул им Давид:

«Где царь ваш? Где врага возьму?
Пусть выйдет — встретимся в бою!
Коль смерть неймет — я смерть ему,
Не бьет никто — так я убью!»

Они ответили: «Привык
Семь дней беспросыпу он спать.
Уже три дня проспал Мелик,
Через четыре может встать». —

«Несчастный люд согнал гурьбой,
В крови перетопил людей,
А сам в шатер ушел цветной,
Спать завалился на семь дней!

Он спит иль нет — мне дела нет!
Будите, чтобы шел сюда.
Спать уложу тебя, сосед,
Так не проснешься никогда!»

Арабы встали — как им быть?
Прут накалили на огне,
Царя по пяткам стали бить,
А царь лишь охает во сне:

«Ох! Невозможно час один
Забыться от проклятых блох!»
Лиши глухо крякнул исполин,
Был царский безмятежен вздох.

Лемех достали от сохи,
Его калили на огне
И раскаленным добела
Царя хватили по спине.

«Ох! Не уснешь и час один
От трижды клятых комаров!»
Вновь глухо крякнул исполин,
Зевнул опять, уснуть готов.

Но вдруг — Давид... Царь глаз скосил,
Лоб запрокинул — ну рычать!
Он начал дуть изо всех сил,
Чтоб великана прочь умчать.

Глядит — тот с места ни ногой.
Он в страхе — подошла гроза! —
И взор свой, кровью налитой,
Вперил в Давидовы глаза.

Как увидал, так мощи в нем
На десять убыло волов¹.
Присел на ложе, а потом
Поток полился льстивых слов.

«Привет Давиду! Отдохни,
Сядь, потолкуем, — говорит, —
А там со мною бой начни,
Коль боем ты еще не сыт».

В шатре меж тем он яму рыл;
До сорока локтей обрыв,
Ковром он пасть ее покрыл,
Сначала сеткою покрыв.

Кого он побороть не мог,
Тех зазывал к себе в шатер
И льстиво — гостю невдомек —
Сажал на гибельный ковер.

Сойдя с коня, вошел Давид,
Уселся и упал в провал...
«Ха-ха-ха!.. Хо-хо-хо-хо! —
Свирепый царь захотел. —

¹ Силу считали по силе вола (ср. «лошадиных сил»).

Когда сумел туда попасть,
Там и сгниешь! Довольно жил!»
И на погибельную пасть
Огромный жернов наложил.

21

А Оган-Горлан уснул в эту ночь,
И ночью во сне увидал старик:
Где Мсыр, в небесах там солнце горит,
А горный Сасун под тучей поник.

С постели его тут поднял испуг.
«Ты, жена, — сказал, — посвети-ка мне!
Больно юн Давид, он ушел из рук, —
Вай, туча лежит на родной стране». —

«Ой, прахом посыпь ты темя себе!
Наверно, Давид где-нибудь в гостях.
Храпишь у себя, а сны у тебя
Совсем об ином — оттого и страх».

Вновь уснул Оган, проснулся опять.
«Ой, жена, Давид дождался беды!
Вон Мсыра звезда всех ярче горит,
Но печален свет у нашей звезды».

А жена кричит, стоит на своем:
«Чтосталось с тобой средь ночи глухой?»
И Оган лицо осенил крестом,
Отвернулся — спит, тревожен душой.

И еще грозней ему снится сон:
Он видит во сне небес высоту,
Свет мсырской звезды — на весь небосклон,
Сасуна же звезда зашла в темноту.

В испуге вскочил: «Сгинь дом твой, жена.
Что слушать тебя, ты умом скудна!
Пропал там один наш мальчик Давид!
Вставай да давай ты мне меч и щит».

22

Пошел в конюшню; потрепал
Коня он белого рукой.
«Эй, белый конь, когда, — сказал, —
Меня домчиши к Давиду в бой?» —

«К рассвету», говорит в ответ
И — брюхом оземь конь лихой.
«Сломи же хребет! Что мне рассвет?
Посплю к гробу я с тобой!»

Он треплет красного коня,
И — брюхом озень огневой.

«Джан, красный конь, как скоро ты
Меня домчишь к Давиду в бой?» —

«Я в час единый, — конь сказал, —
Тебя домчу к Давиду в бой!» —
«Овес, что я тебе давал,
Да станет ядом и чумой!»

Тут к вороному подступал,
Не рухнул озень вороной.

«Джан вороной, когда, — сказал, —
Меня домчишь к Давиду в бой?» —

«Коль будешь крепко ты сидеть,
Коснешься стремени ногой,
Другую не успеешь вдеть —
Домчу!» ответил вороной.

23

Он вороного оседлал,
Вдеть в стремя левую спешил,
Пока же правую вдевал,
Уж на горах Сасуна был.

Глядит: Давида конь один
Уныло бродит по горам,
А Мсыра рать среди равнин —
Что зыбь, покорная ветрам.

Надел он шкур с семи волов,
От моши лопнуть убоясь,
Как туча, встал. Раздался зов —
С вершины горной кличет князь:

«Эй, эй, Давид! Где ты? Услышь!
Недаром носишь ратный крест!
Святую деву помяни,
Явись под солнцем этих мест!»

Донесся зов, пророкотал
В Давидов плен, под смертный свод.
Давид сказал: «Эй, дядя мой
С сасунских гор меня зовет!..

О богоматерь Марутá
И ратный крест моей десной,
В мой трудный час зову я вас!..»
И грянул витязь молодой —

По жернову ударил он,
Разбил на тысячу кусков.

Взвились обломки в небосклон,
Так и летят века веков.

Из ямы вышел, грозен встал, —
И ужасом Мелик томим.
«Мой брат Давид, ко мне поди,
Садись за стол, поговорим». —

«Теперь твой хлеб не для меня:
Лукав ты, низок и труслив.
Бери доспех, седлай коня,
И вступим в бой, пока ты жив». —

«Ну, вступим в бой! — сказал Мелик. —
Удар пусть первый будет мне». —
«Будь первый твой!» сказал Давид
И стал средь поля на коне.

Взял палицу Мысрамелик.
Помчался, во весь дух гоня.
Он залетел в Диарбекир —
И вновь назад погнал коня.

Три тысячи был лидров вес
Огромной палицы одной.
Ударил он — в пыли исчез,
Заколебался шар земной.

«Земля дрожит иль рухнул мир?»
Во всех краях сказал народ.
«О нет, то жаркой крови пир,
То великанов бой идет». —

«Один удар — и пал Давид!»
Войскам своим сказал Мелик.
Но из-под тучи крик гремит:
«Я жив!» — Давида грозный крик.

«Ай-ай, разбегу мало нам!
Гляди, как налечу сейчас!»
Встал великан, могуч и прям,
Сел на коня второй он раз.

Теперь уж скачет он в Алепп,
Оттуда вновь погнал коня.
От вихря пыли мир ослеп,
Под бурей задрожал, стена.

Разит. И, слыша грохот тот,
Оглохли люди, нем язык.
«Осиротел сасунцев род!»
Хвастливый возвестил Мелик.

«Я жив! — воскликнул вновь Давид. —
Скачи еще — черед не мой!» —

«Ай-ай, разбегу мало нам!»
Мелик воскликнул, сам не свой.

Мчал в третий раз он горячо,
Он в мсырский отскакал предел,
И с палицей через плечо
Вновь на Давида налетел.

Изо всех сил ударил он...
Ужасен гром был, мир приник,
Пыль понеслась под небосклон
И тьмою скрыла солнца лик.

Тогда три ночи и три дня
Стоял подобъем тучи прах,
Была три ночи и три дня
Давида смерть на всех устах.

Три полных дня прошло, и вот
В стоявшем тучей прахе том
Живой Давид горой встает,
Горящей в сумраке густом.

«Мелик, — он молвит, — чей черед?»
Припав, затрепетал Мелик,
Смертельный пал на сердце гнет,
Душой кичливой царь поник.

Он вырыл яму, в глубь и тьму
Под земляной забрался кров,
Забился он под сорок шкур,
Залег под сорок жерновов.

И с места прынул и воззвал
Сын-лев, достойный льва-отца.
Сверкнул, взыграл, забушевал
Меч-молния в руке бойца.

Вдруг — мать Мелика из ночи
В волнах распущенных седин:
«Давид, мне волосы топчи,
Но даруй мне удар один!»

И снова меч Давид вознес...
На этот раз — сестра к нему:
«Давид, вторым, — вопит сквозь слез, —
Рази по сердцу моему!»

И наступил последний час.
Давид сказал: «Господь, прости!
Не подходите! В третий раз
Удар я должен нанести»,

Тут дядя выступил Торос
С рукой протянутой, супров.
«Давид, — сказал, — должны мы прах
На чашах выверить весов.

Две половины мертвца
Да будут равны, — говорит, —
Иль больше моего лица
Не увидать тебе, Давид».

Воспрял Давид и поскакал.
Мчит бурно конь — сдержать нельзя!
Забушевал и засверкал
Меч-молния и пал, разя.

Сквозь сорок буйволовых кож,
Сквозь сорок мельничных камней
Он пополам рассек царя
И вглубь прошел на семь локтей.

«Я жив! — Мелик из тьмы вопит. —
Рази еще, да не рассечь!»
Взбешен Давид, себя корит,
Рассыпал искры дивный меч.

«А ну, встряхнись, Мысрамелик!»
Мелик встряхнулся, и тогда

Распались половины вмиг:
Одна — сюда, одна — туда.

Легла рать Мсыра. На устах
Застыли ужас и беда.
Давид воззвал: «Оставьте страх!
Меня послушайте! Сюда!..

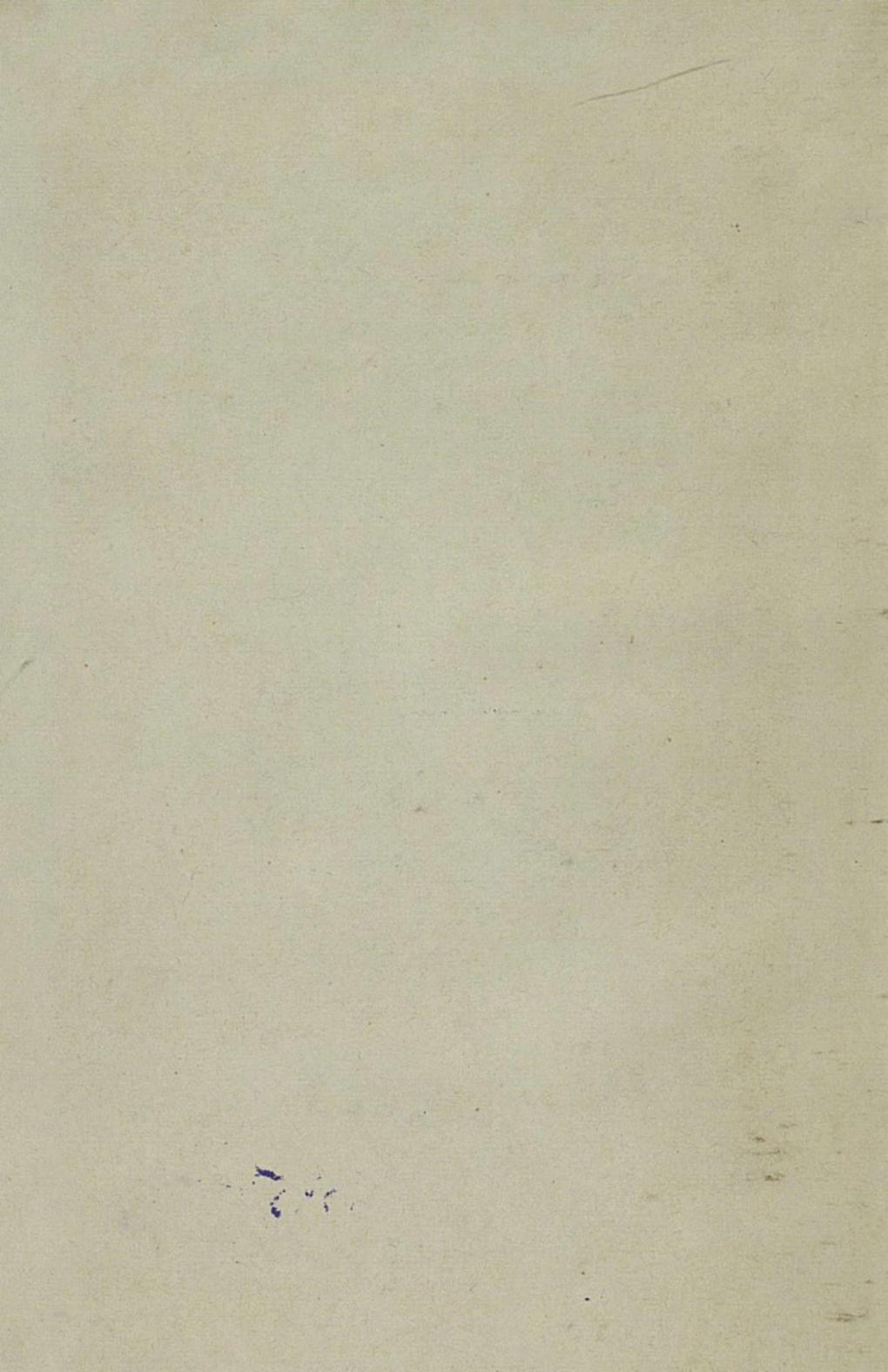
Жизнь ваша, пахари, темна!
Голодный, голый вы народ.
Мук ваших тысяча одна
И тысяча одна забот.

Что взяли стрелы, взяли лук,
Пришли в чужих полях засесть?
У нас ведь тоже дом и плуг,
И старики, и дети есть.

Иль опостылел вам покой,
И ваши сельские труды,
И луг, и нива под горой,
Пропашка, сев, снопы, плоды?

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час!

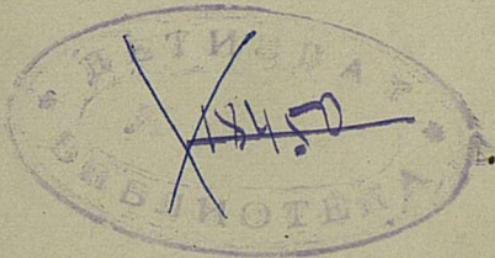
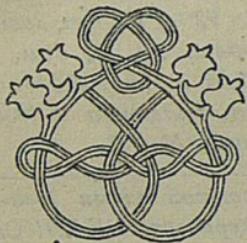

Но если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас,—

Лежи под жерновом Давид,
Будь он в глубокой яме скрыт,
Как ныне, дерзких меч пронзит,
Давид Сасунский их сразит.

Бог весть при встрече боевой
Кто пораскается в тот час:
Мы, в грозный вышедшие бой,
Иль вы, напавшие на нас!..»

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор Е. Живова.

Худож. редактор А. Чегодаев.

Технич. редактор З. Тышкевич.

Корректоры Е. Рабинер

и А. Сапелкина.

Сдано в производство 25/IV 1939 г.

Подписано к печати 22/VI 1939 г.

Детиздат № 2259. Индекс Д-7.

Формат 70 × 92¹/₂. 1¹/₂ печ. листа

(2,6 учетно-авт. л.). 3¹/₄ бум. л.

76504 зн. в бум. л. Тип. 25000 экз.

Уполномочен. Главлитта А-13581.

Заказ № 748.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.

Москва, Сущевский вал, 49.

200 =
Цена 2р.50к.